

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
27 (90)

ИСТОРИЯ
И
ФИЛОЛОГИЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

РЕЦЕНЗИИ

Новая хроника из расулидского Йемена

Скудный список изданных источников по средневековой истории Йемена пополнился напечатанным в Токио текстом анонимной истории династии Расулидов (XIII—XV вв.).¹ Кратко освещая историю Сулайхидов Айюбидов и первых Расулидов, это сочинение подробно рассказывает о времени последних царей этой династии ал-Малике ал-Ашрафе, ал-Малике ан-Насире и ал-Малике аз-Захире Яхйе (XV в.).

Издатель текста — доктор Хикоити Ядзима — посетил ряд библиотек арабских стран и Европы и изучил рукописи, касающиеся вопросов арабской географии и торговли в Индийском океане в средние века. Его внимание привлек анонимный уник из собрания Национальной библиотеки в Париже, содержащийся в йеменском сборнике под шифром *Agabe 4609*. Его изданием и является рецензируемая книга.

Значение этой публикации велико, ибо источников по средневековой истории Йемена крайне мало, да и большинство из них до сих пор существует только в рукописях. Д-р Ядзима дает подробное описание сборника, содержащего, кроме 63 листов хроники, династийные и астрономические таблицы, гадательные и астрологические тексты. Описание Ядзими значительно подробнее, чем то, которое приводится в известном каталоге де Слэна.² Однако описание де Слэна почему-то прошло мимо внимания издателя, который его не упоминает. Приводимая де Слэном дата переписки — 845/1441 г. — описанием Ядзими не подтверждается. Исходя из содержания текста, он датирует написание хроники примерно 840—841 г. х., а позднейшая возможная дата переписки определяется заметками на полях, сделанными рукой йеменского историка 'Исы б. Лутфаллаха (968—1068 гг. х.). Возможно, что де Слэн принял за дату переписки хронологическую запись, восходящую к протографу.

Арабский текст издан ротапринтом с машинописной копии. Текст сопровождается комментарием, где даются некоторые исправления орфографии и ссылки на параллельные места в других йеменских исторических сочинениях соответствующего периода (как изданных, так и рукописных). Это сравнение подтверждает вывод издателя, что хроника самостоятельна, не имеет прямых заимствований, а для периода поздних Расулидов содержит уникальный материал. Издание снабжено именованным, этно-топонимическим, предметно-терминологическим указателями. Последний указатель, весьма подробный, существенно облегчает знакомство с информацией, имеющейся в хронике.

Издание текста выполнено добросовестно, с привлечением большого материала. Можно высказать лишь некоторые мелкие замечания. Есть

¹ *A Chronicle of the Rasulid Dynasty of Yemen. From the unique MS Paris No. Agabe 4609. Edited, Notes and Indices by Nikoichi Yajima. Tokyo, 1974.* — Рецензент глубоко благодарен В. А. Вельгусу, предоставившему ему для работы единственный в Ленинграде собственный экземпляр этого издания.

² M. G. de Slane. *Catalogue des manuscrits arabes de la Bibliothèque nationale. Paris, 1847—1851, n. 4609.*

опечатки: с. 66 — الناصى вместо النامى; с. 69 — سلاح вместо سلاج; в указателе — ائية البلور вместо ائية البلوم. В предметном указателе есть некоторые пропуски, например, не указана с. 58 для термина سباط. В том же указателе в статье طنب приведена с. 67. На ней этого термина нет, но есть طبيب, отсутствующий в указателе. Для термина قطن ошибочно указана с. 114, его там нет. Трудно согласиться с выбором издателем в комментарии значения «горный хрусталь» для слова مہاج (с. 84). Основное словарное значение «антилопа» более уместно в списке подарков рядом со слонем и жирафом. Такую же антилопу потом дарят китайцам (с. 106).

Издатель предварил текст введением, где он частично обобщает выводы своих статей. Он справедливо подчеркивает, что торговые связи Индийского океана надо изучать не только как часть мировой транзитной торговли Востока и Запада, но и как выражение особого экономического и культурного единства, реально существовавшего в средние века в бассейне Индийского океана, особенно в западной его части. Действительно, было бы интересно проследить в широком хронологическом контексте, когда Южная Аравия была больше связана со странами Индийского океана, а когда — со Средиземноморьем. К сожалению, д-р Ядзима не развивает далее эту идею. Во введении дается краткий обзор истории южноаравийской торговли в мусульманское время, устанавливается хронология ее взлетов и падений.

По поводу автора этого сочинения Ядзима, основываясь на собственном анализе текста, заключает, что он — современник поздних Расулидов — был близок к канцелярии двора ал-Малика аз-Захира и имел доступ к султанским документам. Хроника эта особенно ценна сведениями о правлении последних султанов; она заполняет лакуну между хроникой ал-Хазраджи, кончившего правлением ал-Малика ал-Ашрафа, и последующими тахиридскими историками (Ба Махрама, Ибн ад-Дайба', ал-Ахдал). Рассказано также о возвышении на севере зейдитских имамов, о мятежах арабских племен. Очень подробны сведения о смене и назначениях государственных чиновников. Обильны данные о торговых и дипломатических связях Йемена в XIV—XV вв., в частности уникальные сведения о прибытии в Аден джонок из Китая в 821/1418, 826/1425, 835/1432 гг.

Разнообразные сведения хроники складываются в насыщенную и характерную картину общества расулидского времени, во многом похожего на развитое средневековое общество Египта и Сирии XIII—XV вв. Наиболее специфичны, конечно, данные об организации торговли. Доходы от транзитной и иной торговли занимали важное место в экономической жизни государства. Собранный пошлина (*хизана*) ежегодно торжественно доставлялась султану из Адена. В 835 г. х. эта *хизана* составила 300 тыс. рупий, в 836 г. х. — 400 тыс. рупий только деньгами; там было еще на 100 тыс. динаров рабов, пряностей и всяких редкостей. К этим цифрам, разумеется, надо относиться с осторожностью, но они интересны и скорее всего достоверны. Государство получало также подарки от обычных купцов и купцов с определенными дипломатическими полномочиями. Делегации с дарами прибывали из Африки (Сомали, о. Дахлак), из Египта, Мекки, Индии (Канбая, Бенгалия, Дели), наконец — из Китая. Иногда подарки одних использовались для ответов на подарки других. Так, подарок одному из китайских посольств состоял, видимо, из подношений африканских и египетских купцов-послов.

В портах собирали десятину — *'ушр*, причем иногда купцов освобождали от нее полностью или частично, видимо, в противовес купцам *ал-муджабирун*, которые проплывали через Баб ал-Мандаб, минуя йеменские порты и таможи. Если такие суда терпели крушение, то султанские чиновники конфисковывали весь груз. Сбором пошлин и организацией торговли в городах занимались основные представители административной

власти — *валл* и *назйры*. К примеру, *назйр* Адена по приказу султана назначил пошлину для случайно зашедших в гавань судов. Среди торговцев различались категории: «капитаны» (*ан-навāххуз*), «начальники караванов (?)» (*арбāб ал-асфār*), сухопутные и морские купцы (*ат-туджжār*), мелкие торговцы (*ал-мутасаббибун*). Торговцы эти входили в какие-то объединения, упоминаются «шейхи торговцев», приходившие на аудиенцию к султану.

Сведений о повседневной торговле продуктами питания очень мало. Среди грузов и подарков называются обычно только предметы роскоши и диковинки. Особо можно отметить китайский фарфор (*сини*). Часто упоминаются ткани, которые различались по материалам (шелк, хлопчатобумажные, парча), по употреблению (занавеси, покрывала, тюрбанные ткани) и по происхождению (сирийские, иракские, египетские, александрийские, ширазские, йездские и т. д.).

Есть и другая информация экономического характера. Сообщается, что по султанскому приказу с 791/1388/89 г. в Вади Забид стали выращивать рис. Фраза «они отнимали у людей коров и одежды» свидетельствует о распространении в XV в. крупного рогатого скота, так как слово *бахар* употреблено в значении «скот вообще». Это помогает установить хронологические этапы в изменении характера скотоводства в Южной Аравии. Отмечаются падеж скота и повышение цен в 815 г. х., однако цифры не называются. В одном случае упомянуты личные земли султана, которые он передает в вакф.

Автор хроники был хорошо знаком с официальной жизнью двора, и его труд пестрит различными званиями и титулами, элементами сложной иерархической структуры развитого средневекового общества. Титулы те же, что и в других мусульманских странах: *устādāры*, *ғазнадāры*, *зимāмы*, *āмили*, *валл*, *назйры*, *мушидды*, писцы, исполнители (*мутасаррифун*). Среди военных должностей — *амйры*, *муқаддимы*, *нақйбы*. Их содержание текстом почти не раскрывается, приходится опираться исключительно на египетско-сирийские параллели, бывшие для Йемена образцами. Интересно, что должности *валл* и *назйра* могли совмещаться в одном лице (*валл* и *назйр* Адена).

Высокое место в иерархии (в списках — после *амйров*) занимали *муқта*, владельцы *икта* (наделов). Этот титул совмещался с административными должностями. Один персонаж был и *муқта* и *муқаддимом* одного и того же места, а другой — *муқта* и *муқаддимом* в разных. *Икта* выдавались за заслуги и по поводу разных радостных событий, но были дарением временным; их утверждали, продлевали, прекращали и возвращали как всякую государственную должность.

В списках верхушки общества, участвовавшей в церемониальных шествиях, часто упоминаются вожди племен — *машиах*, действующие лица многих политических событий. Кроме них, называются и другие категории племенной знати: *кабйры* и *шарйфы* (в отдельных случаях). Племя называется *қабилла*. Общее название «арабы» (*араб*) имеет в виду непокорные и воинственные племена гор, пустыни и побережья, как *ма'азйба*, *вā'изйт*, *рамата*, *шафалйт*, *йāфи*. Их главная сила — конница. Обычно о них рассказывается в связи с мятежами против центральной власти, хотя говорится и о «замиренных» арабах. Некоторые из них под несколькими иными терминами — *урбāн*³ — упоминаются в составе султанского войска рядом с *аскарами* и *шарйфами*.

Хроника часто упоминает мятежи, где вместо с арабами, а иногда и самостоятельно, действуют *абид* — рабы. Упоминаются дворцовые рабы, участвующие в придворных заговорах. Некие «оружейные рабы» (*абид*

³ Этот термин в Сирийской пустыне, например, означал соединение бедуинов из различных племен. См.: Musil A. The Manners and Customs of the Rwala Bedouins. New York, 1928, p. 44.

ас-силāх) имели над собой *нақибов*, иногда бунтовали, убегали, иногда возвращались. *Нақибам* приказывали собирать в случае нужды из 'абид мужчин с оружием, из чего можно заключить, что они жили со своими семьями. 'Абид участвовали и в конфликтах, не связанных с султанской политикой. Например, ради собственных интересов, а не по приказу правителя, они воевали с племенем *шафалīt*. Многие 'абид жили в разных районах страны, в Ливе, Худже, ал-Хаззе. Видимо, это были беглецы, селившиеся среди непокорных властям арабов. 'Абид ал-Ханки, как кажется, были наиболее активными и многочисленными. Они жили деревнями, возглавлялись шейхом, владели лошадьми и имели отряды конницы.

Как видим, 'абид были особой категорией населения, не ограниченной просто домашними и султанскими рабами. Возможно, что это — переходная ступень от настоящих рабов к низшему сословию, «касте», 'абид, зафиксированной в социальной структуре Южной Аравии в XIX и XX вв.

Расулидский двор любил пышные церемонии. По поводу рождения сыновей, побед, подчинения иноземных правителей, закладки зданий и просто перемещений султана из одной резиденции в другую устраивались торжественные шествия с барабанным боем и вынесением днем зажженных свечей, с проходом по городу всех категорий знати. Раздавались подарки, устраивались пиры для верхушки и для простолюдинов, чеканились памятные монеты, произносились специальные хутбы.

Хроника отмечает и различные природные происшествия: сильные дождевые потоки, землетрясения (789, 816, 835 гг. х.), солнечное затмение (815 г. х.), кометы.

Д-р Хикоити Ядзима ввел в науку важный и интересный источник, который во многом продвигает вперед изучение средневекового Йемена, содержит сведения, важные не только для Южной Аравии, но и вообще для исследования проблем, связанных с характером средневекового общества на Арабском Востоке. Этот труд — хороший образец уровня и направлений сегодняшней японской арабистики, развивающейся стремительными темпами.

М. Пиотровский.

М. I. Mochiri. *Etudes de numismatique iranienne sous les Sassanides*, t. I. Téhéran, 1972.

Небольшая по объему работа представляет собой исследование автора, основной интерес которого принадлежит к другой отрасли знаний. Плодотворно занимаясь хирургической практикой, он одновременно в течение многих лет коллекционирует монеты парфянского и сасанидского времени, изучает работы европейских ученых, посвященные раннесредневековой истории Ирана. М. И. Мошири является обладателем коллекции сасанидских монет, среди которых есть уникальные экземпляры. Он хорошо знаком с литературой по иранской нумизматике. Цель его книги состоит в том, чтобы высказать собственное мнение по ряду проблем, касающихся как собственно нумизматики, так и истории Ирана, для понимания которой данные нумизматики имеют исключительное значение. Такую возможность высказаться автору дают результаты изучения палеографии монет. Его книга состоит из серии очерков, разделенных на две части — историческую и чисто нумизматическую.

В исторической автор анализирует редкую монету с портретным изображением шаханшаха Хормузда V и пехлевийской легендой 'ēlmukdwht, воспроизводящей имя царицы Азармидухт. В таком необычном сочетании имени и изображения он видит подтверждение истории о взаимоотноше-